САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Т. ДЖЕНГИЗ ГЁНДЖЮ

ГАРЕМ ПОСЛЕДНИХ ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ



УДК 930.85
ББК 63.3(0)52-53
Г34

Гёнджю Т. Дженгиз

Г34 Гарем последних османских султанов / пер. с тур. А. С. Сулеймановой, А. В. Образцова; науч. ред. А. В. Образцов. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. — 352 с. (Сер.: «Исследования современной Турции»)
ISBN 978-5-288-06240-7

В книге рассказывается о быте и нравах султанского гарема, о его устройстве и месте в системе государственного управления Османской империи XIX в. Описано, кто и какими путями мог попасть в гарем в качестве невольниц, в чем заключались обязанности обитательниц гарема, как была устроена их повседневная жизнь, какими карьерными возможностями они обладали. Особое внимание уделено жизни жен и матерей османских султанов, их отношениям друг с другом, с правителем и остальными членами его семьи.

Книга иллюстрирована и содержит фотокопии архивных документов XVIII–XIX вв., сопровожденные переводами на русский язык и публикующиеся в России впервые.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся культурой и историей Турции.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)52-53

Все права защищены.
Перевод публикуется с разрешения
Управления национальных дворцов
при Аппарате Президента Турецкой Республики

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры и туризма Турецкой Республики

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022
© TBMM Milli Saraylar, 2011

ISBN 978-5-288-06240-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Между Востоком и Западом 8

От переводчиков 11

От директора Департамента национальных дворцов 17

От автора 19

ГЛАВА I. СУЛТАНСКИЙ ГАРЕМ: ОБЩИЙ ОБЗОР 27

Термины *гарем* и *султанский гарем* 28
Работы о султанском гареме 29
Описания гарема: оценка ориенталистского взгляда на султанский гарем 31
Султанский гарем и общественная жизнь в период модернизации:
обитательницы гарема появляются в обществе 37

Примечания 54

**ГЛАВА II. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАБОВЛАДЕНИЯ:
РАБЫ И НЕВОЛЬНИЦЫ В ОСМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
XIX ВЕКА** 59

Краткий экскурс в историю рабовладения: от древности к XIX веку 60
Институт рабства в османском обществе XIX века 62
Центры работорговли и помещения для содержания рабов в Стамбуле 68
Запрет на рабовладение в Османской империи 70
Запрет на торговлю рабами и невольницами в период второй конституции
и протестные реакции 74
Обращение с рабами и невольницами в османском обществе 82

Примечания 89

ГЛАВА III. БЫТЬ НЕВОЛЬНИЦЕЙ В СУЛТАНСКОМ ГАРЕМЕ 93

Институт невольниц в терминах и его структура:
служанки как образец целомудрия 94
Термин *джарийе* и его трактовки 94
Многоженство и институт невольниц 98
Система рабовладения и институт невольниц 102
Институты ичогланов и джарийе: параллели 104
Этническое происхождение невольниц и способы их приобретения 106
Из кого выбирались султанские жены? 113
Основные сведения о невольницах:
численность, жалованье и нормы продовольственного обеспечения 122

Здоровье и лечение невольниц ... 125
Развлечения невольниц ... 126
Выход на пенсию или в отставку ... 130
Придворные дамы ... 131

Примечания ... 137

ГЛАВА IV. КАРЬЕРНЫЙ РОСТ НЕВОЛЬНИЦЫ: ОТ УЧЕНИЦЫ ДО МАСТЕРА ... 143

Аджеми ... 144
Калфа ... 151
Из кого формировался штат калфа? ... 152
Жалованье и нормы продовольственного обеспечения для калфа ... 156
Уста ... 157
Другие должности в султанском гареме ... 162
Векиль-уста ... 163
Кетхуда-кадын ... 163
Башкятибе-калфа ... 163
Дайе-калфа и дады-калфа ... 164
Хасталар устасы ... 166
Кюльханджи-уста ... 166
Трагические судьбы невольниц при смене правителя ... 167
Положение невольниц в османских дворцах после упразднения халифата ... 192

Примечания ... 194

ГЛАВА V. ПО ПАРАДНОЙ ЛЕСТНИЦЕ ИМПЕРИИ ОТ НЕВОЛЬНИЦЫ ДО ГОСПОЖИ: ВАЛИДЕ-СУЛТАН, КАДЫНЭФЕНДИ И ИКБАЛЬ ... 199

Валиде-султан: колыбель великого султаната ... 200
Валиде-султан и политика ... 202
Опекунская и благотворительная деятельность ... 205
Как валиде-султан обращалась к своему сыну — султану ... 214
Кадынэфенди и икбаль — кто они? ... 218
Жалованье, ассигнование и иерархия ... 221
Состав свиты при покоях кадынэфенди и икбаль ... 222
Как в гареме выстраивались отношения между султаном и его женами? ... 224
Переписка кадынэфенди и икбаль с султаном и государственными лицами ... 227
Отношения кадынэфенди с шехзаде, султанскими дочерями и другими женами ... 238

Повседневная жизнь кадынэфенди во дворце 241
Еда, питье и сервировка трапезы 241
Одежда и наряды 242
Культура и развлечения 243
Покупки 244
Встреча гостей 248
Прогулки 250
Религиозные обряды, торжественные церемонии, благотворительность 252

Примечания 259

ГЛАВА VI. СУЛТАНСКИЙ ГАРЕМ ВО ДВОРЦЕ ДОЛМАБАХЧЕ 265

Личные покои повелителя: местоположение, помещения и состав прислуги 266
Кто мог прислуживать султану (уста, калфа и аджеми) 269
Личные покои валиде-султан: местоположение, помещения и состав прислуги 270
Покои кадынэфенди: местоположение, помещения и состав прислуги 274
Апартаменты невольниц (Новые апартаменты): местоположение, помещения и кадры 277

Примечания 280

Заключение 283

Использованные материалы 291

Глоссарий 297

Сокращения 304

Названия месяцев в мусульманском календаре и их сокращения 304

Национальные дворцы Турецкой Республики: Долмабахче и Йылдыз 305

Султаны Османской империи и их родители 337

Список иллюстраций 339

Предметно-именной указатель 348

ОТ АВТОРА

Всестороннее изучение жизни султанских дворцов Османской империи представляется значимым для нашей истории и культуры в той же степени, что и исследования общественно-политического аспекта истории Османской империи. В XV–XVIII веках количество сочинений, посвященных описанию архитектуры, внутренней планировки и хозяйственно-административной структуры османского дворца, было велико. Девятнадцатый век в истории дворцов по сравнению с предыдущим периодом остается малоизученным по многим причинам, главной из которых является то, что архивные данные только недавно стали доступны специалистам.

Тема гарема возглавляет список самых интересных и притягательных для публики тем, связанных с организацией быта и этикетом в османском дворце. Поскольку частная жизнь правителей любой национальности всегда является предметом любопытства обывателей, то вряд ли последние обойдут своим вниманием быт и привычки членов семьи великих османских султанов, правивших Османской империей почти шесть с половиной столетий.

В начале 2010 года Издательский совет Дирекции Департамента национальных дворцов при Великом национальном собрании Турции поручил мне заняться проектом «Гарем последних османских султанов». В работе над ним мне помогли личные наблюдения и впечатления, которые я приобрел, будучи экскурсоводом. Когда с 1986 по 2004 год я служил во дворце Долмабахче, мне приходилось видеть, какой интерес у его посетителей вызывает все, что связано с гаремом и его обитательницами. Некоторые посетители, в особенности те, кто представлял себе дворец и жизнь в нем только в виде ориенталистских образов, за время часовой экскурсии пытались примерить свои надуманные умозрения, полученные после знакомства с фильмами или книгами на эту тему, к реальному пространству. Естественно, из-за несовпадения выдуманного ими мира с действительностью они испытывали разочарование и часто просили экскурсоводов в Долмабахче подтвердить то ложное представление о дворце и его мифах, которое они сформировали в своем воображении. Именно по этой причине мы, гиды, пытавшиеся исправить ошибочное мнение посетителей о гареме и его обитательницах, часто оказывались в трудном положении.

Посетителям дворца Долмабахче предстояло оказаться в еще более печальном неведении о гареме после открытия для посещения в 1993 году новой части музея, получившей название «Комнаты для невольниц». Эта часть

музея была открыта без проведения должных предварительных исследований и, естественно, привлекла внимание множества гостей. К сожалению, каждый день тысячи людей посещали помещения, в действительности никогда так не называвшиеся, хотя даже на билетах было написано: «Гарем и невольницы». Это неправильное название отдела музея, появившегося в 1993 году, было исправлено только после научных исследований, проводимых с середины 2000-х годов. Исследования позволили установить, что помещения дворца Долмабахче, названные «Комнатами для невольниц», на самом деле являлись личными покоями, в которых проживали жены султана — ***кадынэфенди*** и ***икбаль*** — со своими детьми.

В рамках этого проекта я не могу замалчивать без критики и популистское отношение некоторых изданий к гарему и в целом к личной жизни правителей. Хотя частная жизнь людей, стоящих во главе государства, всегда вызывает любопытство, что является неоспоримым фактом, эта частная жизнь представляет собой лишь один аспект жизни и, главное, деятельности государственных лиц. Насколько сложно понять отдельную деталь, не видя перед собой картину целиком, настолько невозможно описать или оценить только приватную часть жизни османских правителей, не принимая в расчет их роли в политической, культурной и общественной жизни своего государства. Кроме того, такое популистское видение отражает ориенталистский взгляд, вызывающий множество вопросов, поскольку различает на Востоке и в османском обществе лишь склонность к удовольствиям и развлечениям, консерватизм и леность.

Эти обстоятельства и побудили Дирекцию Департамента национальных дворцов приступить к подготовке настоящей книги, озаглавленной «Гарем последних османских султанов», в которой исследуется институт невольниц во дворце XIX века, а точнее, жизнь султанского гарема в этот исторический период. Безусловно, данная тема очень деликатна и обширна. Я не настаиваю на том, что данное исследование охватывает все стороны этого вопроса. Вместе с тем моя цель — подойти к работе с академической взыскательностью, предложить здравую, основанную на объективных данных точку зрения относительно изучаемой темы и представить результаты исследований, опирающиеся на достоверность и научность.

Поскольку в ходе работы мне приходилось иметь дело с такими источниками, как архивные документы, ***сейахатнаме***, мемуары и исторические хроники, а также пользоваться исследованиями и научными трудами по данной теме, то в книгу были включены использованные и наиболее важные для нашего рассказа архивные документы в современной графике. Это было сделано впервые в изданиях такого рода. Дополнительно, для того чтобы сделать текст и документы более интересными для читателя, в книгу

были включены изображения участников событий и мест, где эти события происходили. Фотографии и рисунки дворца Долмабахче, выбранного как пример пространства, в котором протекала жизнь гарема, сами по себе могут служить свидетельствами, подкрепляющими документальные сведения.

В этой связи в первой главе книги, названной «Султанский гарем: общий обзор», дан анализ вышеуказанных предубеждений и продемонстрирована очевидная разница между действительностью и превратным ее восприятием. После краткого описания работ о гареме, опирающихся на точку зрения, возможную только в ориенталистских кругах, и на картины с сюжетами из настоящей или выдуманной гаремной жизни, здесь представлены основные сведения о состоянии султанского гарема в период Танзимата и следующую за ним эпоху. Кроме того, здесь рассказывается о том, как члены гарема приспосабливались к нововведениям в это тяжелое для Османской империи время, когда она боролась за право на свое существование.

Во второй главе «Краткая история рабовладения. Рабы и невольницы в османском обществе XIX века», предваряющей рассмотрение вопроса об институте невольниц в османском дворце, повествуется о возникновении рабовладения в мире, об условиях, в которых происходило его развитие, и о его принятии османским обществом. Здесь даны комментарии о том, что для османского общества принятие института невольничества и рабства было общепринятым явлением, а также приводятся соображения, касающиеся разницы между восприятием рабов и невольниц в османском обществе и в западных государствах. Завершают главу документы, свидетельствующие о запрете рабовладения в ***период второй конституции*** и отрицательной реакции общества на этот запрет.

В третьей главе «Быть невольницей в султанском гареме» анализируется термин *джарийе* (или «невольница») в свете представлений османского двора. Здесь речь идет прежде всего о том, что во дворце под этим термином понимался в целом штат прислуги (служанок-рабынь), главным образом выполнявшей все хозяйственные работы в гареме, и это значит, что право пользоваться услугами рабынь не принадлежало исключительно падишаху. Попытавшись раскрыть полностью понятие «невольницы», мы снова возвращаемся к вопросу о многоженстве, который часто ассоциируется с этим термином.

Вопрос о связях между падишахом и невольницами в гареме, будучи дискуссионным, привлекает внимание к сходству института невольниц с существовавшим во внутренних покоях дворца институтом ***ичогланов*** — слуг мужского пола, предназначенных для работы в других частях султанского дворца. Поэтому дальше рассказывается о путях поступления во дворец невольниц и о том, из кого выбирались жены падишаха. Помимо того,

что в этой главе освещаются все основные аспекты, связанные с институтом невольниц, здесь представлены документы, дающие сведения о количестве невольниц во дворце, об их жалованьи, развлечениях и методах лечения в случае болезни. В конце главы мы касаемся вопросов о том, как вышедшие на пенсию или в отставку и отпущенные из султанского гарема невольницы жили за пределами дворца в статусе «придворных дам» и в чем заключался их вклад в общественную жизнь.

Четвертая глава, названная «Карьерный рост невольницы: от ученицы до мастера», рассказывает о трех ступенях в карьере невольницы: ***аджеми*** (новенькая), ***калфа*** (помощница) и ***уста*** (мастер); об обязанностях, возложенных на невольниц; об особенностях тех помещений и отделений дворца, где им приходилось работать. Здесь также акцентируется внимание на том, что невольницы часто не только являлись служанками султанской семьи, но и исполняли роль фрейлин при дворе, а иногда даже разделяли судьбу своих господ. Мы приводим примеры трагических ситуаций, в которые попадали сотни невольниц, прислуживавших султанской семье, и прежде всего матери султана — ***валиде-султан*** — и его жены — кадынэфенди, в случаях, когда сменялся правитель. Сведения о том, какую горькую цену часто приходилось платить за султанат и право властвовать, подкреплены документами.

Пятая глава называется «По парадной лестнице империи от невольницы до госпожи: валиде-султан, кадынэфенди и икбаль». В начале работы предполагалось, что исследование будет ограничено описанием невольниц, составлявших штат султанской прислуги, но поскольку султанские жены (кадынэфенди и икбаль) и валиде-султан, то есть собственно законные обитательницы гарема, сами когда-то были невольницами, информация о них также была включена в книгу. Здесь прежде всего объясняются термины, применявшиеся к женщинам, попавшим в гарем в качестве джарийе и сумевшим выделиться из равных себе и стать женами и матерями падишахов. Затем, опираясь на документальные свидетельства, мы рассказываем об их повседневной жизни: о роли, которую они играли в функционировании государства и общества, о комнатах во дворце, где они жили, о жалованьи и ассигновании, на которые они могли рассчитывать, об отношениях с наследными принцами — ***шехзаде*** — и султанами, о том, что они ели и пили, какие покупки совершали.

Шестая и последняя глава «Султанский гарем во дворце Долмабахче» выделена для рассказа о помещениях, которые занимал гарем во дворце Долмабахче. Здесь мы постарались воссоздать посредством описания комнат, внутренних покоев этого дворца достоверный образ того, что делали невольницы и как они были организованы, другими словами передать сам

дух, царивший в гареме. Таким образом, по той информации, которую можно почерпнуть из планировки коридоров, залов и комнат самого дворца, была сделана попытка установить степень близости отношений между членами султанской семьи как друг с другом, так и с прислуживавшими им невольницами. Целью этой главы было представить здравые размышления о частной жизни османских падишахов в XIX веке. Тем самым, опираясь на установленные факты, мы хотим еще раз подчеркнуть абсурдность фантазий о том, что обитатели султанского гарема, и в первую очередь падишах, делили одну крышу с сотнями служанок.

Эта книга была написана для того, чтобы рассказать о султанском гареме, где обитали семьи правителей Османской империи, по отношению к которым можно использовать определения «добропорядочные» и «целомудренные», а также об институте невольниц, который был встроен в структуру этой сложной организации. Но рассказать, опровергая заблуждения и предвзятости ориенталистского подхода. Мы надеемся, что наш труд станет скромным ориентиром для будущих более глубоких исследований.

Мы считаем своим долгом выразить благодарность Дирекции Департамента национальных дворцов, желание и требование которой стали импульсом для создания этой книги и которая оказывала нам всю необходимую организационную поддержку в процессе работы. Кроме того, я безгранично благодарен Издательскому совету и Издательскому отделу при Департаменте национальных дворцов, чья помощь была весьма существенна на всех этапах подготовки книги к публикации, вплоть до того момента, когда издание попало в руки к читателю.

Т. Дженгиз Гёнджю



За завесу тайны…



Глава I

СУЛТАНСКИЙ ГАРЕМ
ОБЩИЙ ОБЗОР



Турок любит свой дом и свою жену. Он снисходительный муж и нежный отец. Западный человек, читая о жизни Востока, ожидает услышать рассказы о чем-то ущербном и уродливом. Эти заблуждения имеют широкое хождение только благодаря живущим в Пера дамам и уволенным из благородных домов боннам, которые стараются представить неприглядную и ужасную картину происходящего за закрытыми дверями, куда им редко дается привилегия быть приглашенными.

Грейс Эллисон. Англичанка в турецком гареме

Термины *гарем* и *султанский гарем*

Слово *гарем* (тур. *harem*), которое происходит от аккадского слова *haramu(m)*, что значит «покрывать, скрывать, прятать от кого-либо, отстранять, изолировать», в арабском языке употреблялось в значении «нечто священное, что требует уважения и что следует оберегать». Этот термин означает «храм или святое место» и используется для характеристики пространства, вход в которое запрещен или ограничен и внутри которого могут находиться только определенные лица и совершаться только определенные действия. Наряду с этим название *гарем* стали носить и те помещения в доме, в особняке или во дворце, которые выходят обычно во внутренний двор и где женщины могут спокойно вести свою повседневную жизнь, не сталкиваясь с посторонними мужчинами[1].

То, что приватные помещения дома и, как следствие, проживающие здесь женщины стали называться гаремом, проистекает из запрета, который ислам накладывает на вход сюда всем мужчинам, не состоящим в определенной степени родства с обитательницами дома (то есть тем, кто является *namahren* — чужими, не состоящими в родстве). Гарем — это понятие, связанное с уважением, и оно используется для напоминания о религиозных понятиях чистоты и чести[2].

Гаремом стали называть и то особое пространство в османских дворцах, особняках или в виллах на берегу моря, в котором проживал глава семейства вместе со своими домочадцами и которое следовало за помещением, именуемым **селямлы́к**[3]. Несмотря на то что в османской традиции было употребительно выражение *Darûssaâde* (*Да́руссаадé*, или «Дом счастья»)[4] для обозначения тех запретных покоев, где жила султанская семья, в основном это место называли гаремом. Однако в гареме жили не только султанские жены, но и другие его члены: валиде-султан, многочисленные шехзаде и сами султаны. Здесь также размещался и хозяйственно-административный персонал, состоящий из невольниц, прислуживающих лично членам султанской семьи, и управляющих ими старших служанок.

Некоторые турецкие и иностранные авторы для обозначения гарема используют другой термин — *гаремли́к*[5]. В период второй конституции, когда шли бурные дискуссии по поводу роли и места женщины в обществе, известная писательница и политическая деятельница Халиде Эдип Адывар, высказавшись об этимологии этого слова, устранила терминологическую путаницу:

> …В турецком языке нет слова *гаремлик*. Это слово придумали исходя из ошибочного представления, что должен существовать женский аналог слова *селямлык*. Но это просто лингвистическое недоразумение. Само же слово *гарем* арабского происхождения и в оригинале значит «храм» или «сакральное место»[6].

Работы о султанском гареме

В любой юридической системе или традиции гарем — это некое понятие, показывающее, что нечто «закрыто для чужаков». Из всех будоражащих всеобщее воображение тайн османского дворца гарем стал, безусловно, самой интригующей. Начиная уже с XVIII века появился спрос на работы, посвященные гарему, которые должны были удовлетворить желание европейцев посетить его[7]. Однако часть авторов, писавших о гареме, — особенно те, кто никогда не имел возможности там побывать, — создавали свои произведения, используя только силу собственного воображения. Недоступность достоверных данных о гареме связана в действительности с недоступностью гарема для чужого проникновения. Та скудная информация о гареме, которая могла проникнуть вовне, была доступна благодаря главным евнухам, невольницам и женщинам, жившим там ранее. Однако совершенно очевидно, что ни работники дворца, вышедшие на пенсию или в отставку, ни главные евнухи никогда не нарушали конфиденциальность сведений о гареме[8].

Гарем во всех османских дворцах, как в классическую эпоху, так и в Новое время, всегда охранялся самыми высокими и массивными крепостными стенами или дверями с самыми прочными стальными засовами. Гарему добавляло таинственности и то, что его обитательницы

вели закрытый образ жизни и придавали большое значение секретности прогулок[9].

Одним из первых писателей, кто рассказал об устройстве гарема в османском дворце, стал Абрахам Константин Мураджа Д'Оссон. В одной из глав своей книги «Полная картина Оттоманской империи»[10], опубликованной в 1791 году, он попытался познакомить читателя с тем, как организован гарем, основываясь на личных разговорах и впечатлениях. Однако же иностранцам могла быть доступна только часть селямлыка и султанского сада. Вероятно, что те, кто утверждали, будто видели гарем, — если мы, конечно, допустим, что они действительно его видели, — вероятно, могли проникнуть лишь в ограниченную его часть[11].

В период второй конституции двери гарема открылись для специалистов, и была сделана попытка научно описать структуру этой секретной организации, столетиями скрывавшейся за завесой тайны. Для этой цели придворному историографу Абдуррахману Шереф-бею была предоставлена возможность познакомиться с гаремом во дворце Топкапы и, как следствие, написать различные статьи о нем. Статьи, о которых идет речь, были опубликованы в 1910–1911 годах в «Журнале османского исторического общества»[12].

Другим специалистом, которому после Абдуррахмана Шереф-бея было позволено войти в султанский гарем, стала Барнетт Миллер. Впервые Миллер посетила гарем в 1912 году вместе с американским послом. В 1916–1919 годах она работала во дворце Топкапы и в 1931 году написала книгу «За порогом Высокой Порты»[13]. Первым же, кто стал исследовать гарем серьезно, с опорой на документы, стал Исмаил Хаккы Узунчаршылы — один из первых историков уже республиканского периода Турции. В своем исследовании «Устройство дворца в Османском государстве» ученый описал основные особенности гарема и его организации[14].

Современные же авторы, в большинстве своем европейцы, недостаточные сведения о гареме восполняли собственными умозрениями. Поскольку в истории нет ничего, что нельзя было бы переписать, то вполне есте-

ственно, что у каждого исследователя может быть своя субъективная интерпретация. Однако не вызывает сомнений, что большинство турецких и иностранных авторов, писавших о гареме, находились в плену собственных фантазий. Поэтому при изучении соответствующей литературы этот факт стоит непременно учитывать[15].

Описания гарема: оценка ориенталистского взгляда на султанский гарем

Османская женщина и ее положение в гареме всегда возбуждали любопытство у западных людей и поэтому стали отождествляться с восточным образом жизни в целом. Поскольку попасть в гарем не было никакой возможности, как не было и достаточного количества сведений о нем, это место стало предметом живейшего обсуждения. Составленные путешественниками, послами и пленниками фантазийные описания гарема приобрели в западном мире характеристику «достоверных»[16]. И в период расцвета Османской империи, и в более позднее время резиденция османского султана и его личная жизнь притягивали к себе самое пристальное внимание соотечественников и иностранцев. Появлялись тексты о гареме, составленные преимущественно западными путешественниками, опиравшимися не на увиденное собственными глазами, а на слухи.

Хотя в некоторых повествованиях европейских путешественников и содержится толика правды, множественные документы, рассказывающие о жизни падишахов, султанских жен и невольниц-служанок, отличались именно тем, что были плодом фантазий и вымыслов[17]. Иные из них, с одной стороны, предлагали весьма детализированное описание и повествование о гареме, с другой же — сообщали о том, что им удалось найти крайне мало источников информации, и тем самым вступали в противоречие сами с собой[18]. Например, французский торговец Жан-Батист Тавернье в своей книге «Жизнь во дворце Топкапы» объясняет отсутствие главы о гареме недостат-

ком достоверных сведений о нем. Тавернье пишет, что ***ак хадим агасы*** (глава белых евнухов) сообщил ему мельчайшие подробности о такой части дворца, как ***эндерун***, но ничего не рассказал о султанском гареме, кроме того, что сюда может входить только падишах и при необходимости врач. Это наглядно показывает противоречивую ситуацию, в которой оказывались европейские путешественники[19].

В этих произведениях, представлявших собой сочетание правды, слухов и домыслов, часто смешивались различные рассказы о жизни гарема. Однако очевидно, что возникали они на разных этапах его существования[20]. Только со второй половины XVII века работники западных посольств начали обращать внимание на то, что описания гарема, относящиеся к более раннему периоду, весьма сомнительны[21]. В более позднее время, а именно в начале XX столетия, журналистка Грейс Эллисон побывала в самых блестящих гаремах высокопоставленных лиц Османской империи и тем самым получила возможность изучить эту сторону социальной жизни османов. Полученные ею сведения позволили критически оценить рассказы о султанском гареме, которые были весьма далеки от объективности. В своей книге она пишет:

> Турок любит свой дом и свою жену. Он снисходительный муж и нежный отец. Западный человек, читая о жизни Востока, ожидает услышать рассказы о чем-то ущербном и уродливом. Эти заблуждения имеют широкое хождение только благодаря живущим в Пера дамам и уволенным из благородных домов боннам, которые стараются представить неприглядную и ужасную картину происходящего за закрытыми дверями, куда им редко дается привилегия быть приглашенными[22].

Эти повествования ориенталистского характера, основанные на художественном вымысле и преследующие единственную цель — подтвердить свою «правдивость», которая существовала только в фантазиях, — не смогли избежать хронологических неточностей. Например, в XIX веке, в соответствии с требованиями того времени, в качестве султанской резиденции использовались дворцы Долмабахче, Чираган и Йылдыз. Дворец Топкапы, несмотря на то что османские султаны перестали

там жить, в представлении Запада оставался символом Востока в целом и гарема в частности. Французский художник Жан-Леон Жером на своей картине «Гарем на террасе» изобразил внутренний дворик дворца Топкапы и поместил туда воображаемый гарем. На полотне представлена типичная сцена из гаремной жизни, где вместе с обнаженными или полуобнаженными наложницами мы видим и наблюдающего за ними султана, и сторожащего их главного черного евнуха[23].

Однако были и мужчины-европейцы, которые получили шанс увидеть обитательниц гарема, хотя, конечно, их было весьма немного. Одним из них был Томас Даллам, который прибыл в Стамбул в 1599 году, для того чтобы собрать и установить во дворце орга́н, подаренный английской королевой Елизаветой I султану Мехмеду III. Благодаря помощи некоего ***аджеми-оглана*** Даллам нашел возможность наблюдать женщин из гарема и так описал увиденное:

> Я лицезрел тридцать одалисок Великого господина, которые играли с мячом в другом дворике. При первом взгляде я принял их за юношей, но по их свисающим на спины косам, в концы которых были вплетены мелкие жемчужины, и по другим приметам я понял, что это девушки, к тому же прекрасные девушки. На их головах были только маленькие тюбетейки из вышитой канителью ткани, которые прикрывали только макушку. Шеи были обвиты жемчужными нитями, грудь и уши были украшены драгоценными камнями. ***Чепкены*** девушек были похожи на короткие куртки, которые носят наши солдаты. Некоторые чепкены были из красного атласа, некоторые — из синего, а иные других цветов, расшитые контрастными нитями, как будто кружевные. Девушки носили тонкие, словно газ, и белые, словно снег, шальвары из тончайшей ткани, содержащей хлопок, так что я даже мог видеть сквозь нее их бедра. Длина шальвар достигала колен; у некоторых на ногах были длинные сапожки из кордовской кожи. Бедра других же были обнажены, щиколотки охвачены золотыми браслетами, а на ногах были бархатные башмачки с каблуками в 10–12 сантиметров[24].

Будоражащее воздействие всего неизвестного и запретного сделало живописные полотна ориенталистской тематики весьма популярными в эпоху романтизма, и гарем стал одной из наиболее эксплуатируемых тем в изо-

бразительном искусстве. Популярность гарема у художников-ориенталистов как сюжетной основы полотен объясняется не только его таинственностью, но и идеологическими и потребительскими причинами. Художники-ориенталисты, создавая свои полотна, с одной стороны, удовлетворяли желания своих клиентов, с другой — укрепляли представление западного человека о том, что изображаемые сцены свойственны восточному и мусульманскому обществу. Тем самым они давали понять, насколько западное, христианское общество добродетельно по сравнению с восточным, которое представлялось им средоточием порока, чувственных наслаждений и развлечений[25].

На большинстве ориенталистских картин мы видим женщин, предающихся праздности. Они лишь ожидают прихода своего повелителя-мужчины, прихорашиваются и украшают себя для него. Примеры такой пассивности широко представлены на картинах с подобным сюжетом. Изображая обитательниц гарема, художники-ориенталисты перенесли свои предубеждения на живописные полотна[26].

Несмотря на это, истории западной живописи известны и такие художники, которые на своих полотнах изображали гарем правдиво, как, например, Генриетта Браун. Французская художница, настоящим именем которой было Софи де Бутейе, стала известна под псевдонимом Генриетта Браун в Парижском салоне. Ее супругом был дипломат Анри Жюль де Со, которого она сопровождала в служебной поездке в 1860 году в Стамбул. Здесь она пробыла две недели. Ее картины с реалистичными сюжетами на тему гарема, привезенные из этой поездки, произвели фурор в Европе. Полотна под названиями «Визит в гарем» и «Играющая на свирели в гареме» были выставлены в Парижском салоне в 1861 году, а в 1862 году — в галерее Эрнеста Гамбара в Лондоне. Своей правдоподобностью они завоевали большой успех у публики и в Англии, и во Франции[27].

В отличие от изображенных ориенталистами красавиц, сидящих без всякого дела и погруженных в себя, женщины на картинах Браун заняты домашними делами

и общественными обязанностями. Например, на полотне «Визит в гарем» хозяйка дома встречает гостий, другие обитательницы гарема стоят в ожидании своей очереди, чтобы поприветствовать пришедших. Тем самым художница показала сходство между образом жизни в османском и европейском домах и опровергла фантазии западных ориенталистов. Гарем — это уже не просто место, наполненное эротизмом, исходящим от полуобнаженных женских фигур, как на картинах Делакруа, Жерома или Энгра. Это социальное пространство, где царят спокойствие, степенность, где женщины являются главными и куда часто приходят посетительницы из внешнего мира и музыкантши, играющие на *сазе*. Картины Генриетты Браун стали первым художественным свидетельством истинного положения дел в османском особняке или дворце периода Абдул-Меджида I, опровергающим привычное представление о гареме[28].

На картине венгерского художника Сандора Александера Свободы́ «Женщины в гареме» («Торговка в гареме») снова изображен гарем во дворце: сидящие на диване три придворные дамы рассматривают драгоценности, которые из ларца достает торговка. Наряды на дамах соответствуют моде первой половины XIX века. Здесь фигура торговки показывает, что в гареме покупки совершались с помощью такого рода посредниц, и эта тема раскрыта в соответствии с морально-нравственными установками того периода[29].

Сальватор Валери, преподаватель Школы изящных искусств, давал частные уроки сыновьям Абдул-Меджида II, за что султан даровал ему почетное звание учителя шехзаде. Художник написал в 1888 году картину «Гарем», на которой он представил вполне достоверное видение внутренних покоев глазами человека, не раз посещавшего такого рода места. На полотне изображен настоящий османский дом, что очевидно по утвари: от *левха* на стенах до *кавука*, украшенного полумесяцем и звездой, от столика с перламутровой инкрустацией до соломенной циновки и ковра, лежащего на ней, от кальяна до доски для нардов[30].

Угощение кофе и гадание на кофейной гуще были важными ритуалами гаремной жизни. На картине



С. А. Свобода.
Женщины в гареме.
Дерево, масло.
36,5 × 45 см

Жан-Батиста Ван Мура «Армянский дом» мы видим сцену в гареме, изображающую группу женщин на фоне богато декорированного помещения. Другая картина, под названием «Танцовщицы в гареме», представляет композицию снова на фоне такого же роскошного интерьера, но здесь изображена не эротическая сцена, а ситуация из повседневной жизни[31].

В период бытования моды на стиль ***тюркери*** достоверностью зачастую пренебрегали, поэтому на полотне «Сцена в гареме», принадлежащем кисти неизвестного художника, который, скорее всего, никогда не бывал в Турции, изображен падишах в окружении наложниц на фоне богато расшитого бархатного полога. Художник представил стереотипное видение гарема, которое европейцы часто рисовали себе в фантазиях, — впечатляющее, но далекое от правдоподобия[32].

Султанский гарем и общественная жизнь в период модернизации: обитательницы гарема появляются в обществе

В XIX веке, когда правление султана Махмуда II подходило к концу, гарем перестает быть изолированным от внешнего мира местом, и его обитательницы, накинув на себя ***ферадже*** и ***чаршафы***, начинают посещать избранные места для гуляний, совершая променады по специально выделенным для них маршрутам[33]. Однако наиболее очевидные и значительные перемены и новшества в том, как султанский гарем открывался общественной жизни, произошли в период Танзимата.

Период Танзимата в XIX веке ознаменовал собой модернизацию Османской империи, и именно султанский дворец играл здесь главную роль. Османское общество смогло ближе познакомиться с западной моделью потребления во время Крымской войны 1853–1856 годов, в которой Англия и Франция рассматривались империей как союзнические и дружественные страны. А поскольку султанский дворец выступал инициатором модернизационных процессов, то тогда же и появились свидетельства того, что в жизни султанского гарема происходят коренные изменения. Во время правления султана Абдул-Меджида I права и свободы, дарованные обитательницам султанского гарема, а также затраты на их содержание пробудили широкий общественный резонанс и стали обсуждаться в работах интеллектуалов того периода. Главной работой среди множества других, где дискутировалась эта тема, следует назвать произведение Ахмеда Джевдета-***паши*** под названием «Памятные записки».

В этом произведении красочно и смело повествуется о событиях той эпохи. Ахмед Джевдет-паша сначала рассказывает о том, что Махмуд II даровал женщинам из султанского гарема возможность посещать места для гуляний, где они могли бы удовлетворить свои желания развлечься, укрывшись ферадже; до этого никто из них не покидал пределы дворца. Затем повествование переходит



Ахмед Джевдет-паша

к обитательницам гарема периода Абдул-Меджида I, которых автор яростно критикует.

Как свидетельствует Ахмед Джевдет-паша, жены султана, и главным образом другие члены султанского гарема, до середины 1850-х годов вели закрытый образ жизни, а начиная с 1854–1855 годов стали свободно отправляться на прогулки и праздничные гуляния за пределы дворца[34]. Стоит обратить внимание на эти даты, поскольку в 1853 году скончалась Безм-и Алем Валиде-султан, и представляется, что отсутствие ее авторитета стало причиной более вольного поведения женщин в гареме[35].



Неизвестный художник.
Султан Абдул-Меджид I.
Холст, масло.
40,5 × 31,5 см



На лужайке для пикника

Ахмед Джевдет-паша пишет также о том, что султан Абдул-Меджид I ведет себя весьма снисходительно по отношению к своим кадынэфенди и икбаль и что жены султана — кадынэфенди — вступили между собой в жестокую конкуренцию и ведут себя неподобающим образом, желая возбудить ревность султана[36]. Собственно говоря, ревность и соперничество между женщинами в османском дворце — естественное дело, тем более что многоженство — это явление, которое женщинам тяжело принять. И как бы со стороны ни казалось, что при некоторых османских правителях многоженство было весьма гармонично организованным и устоявшимся социальным институтом, правда в том, что в гареме всегда существовало тайное напряжение.

По словам Ахмеда Джевдета-паши, роскошный образ жизни, который вела семья египетского ***хедива*** во время своего визита в Стамбул, тут же стал объектом для подражания самых представительных и богатых стамбульских

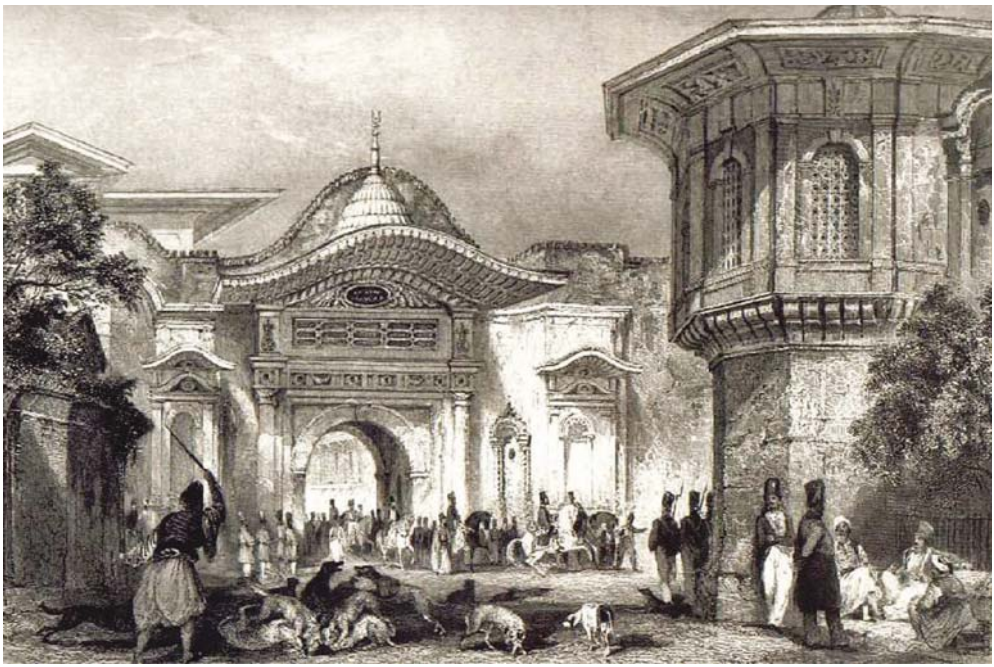
семей, и представительницы султанской семьи всех превзошли в роскоши[37].

Ахмед Джевдет-паша отмечает, что женщины из султанского гарема, в особенности после Крымской войны, проявили чрезмерное усердие и в тратах, и в общении с внешним миром. Так, во времена Махмуда II ежемесячные расходы дворца не превышали тысячи кошельков — ***кисе***, а при Абдул-Меджиде I достигли 21 тысячи кисе. Небрежность в финансовых вопросах, которую позволяли себе жены султана (в особенности икбаль Серфираз-***ханым***), его дочери и сестры, довели бюджет дворца до банкротства. И такое показное расточительство обитательниц дворца, и их непомерные траты стали известны уже всему обществу. Непомерный рост расходов был обусловлен и проведением очень пышных свадеб дочерей султана[38].

Когда Абдул-Меджиду I сообщили о кризисном состоянии казны, он не хотел признавать этот факт, но в конце концов был вынужден принять его и сделать серьезное предупреждение членам своей семьи. Падишах не ограничился внушением своим родственникам: в государственном рескрипте, доведенном до сведения османского общества, он призвал к экономии народ и поручился, что внесет свой вклад в ограничение расходов дворца.



Неизвестный художник. Крымская война. Холст, масло. 131 × 196 см



Баб-и Али
и Алай Кёшкю

Согласившись с тем, что проведение свадеб султанских дочерей было чрезмерно затратным, он пообещал своим подданным положить этому конец. В этом же рескрипте было также объявлено предупреждение всем торговцам, доставляющим товары в султанский гарем в расчете на непременную выгоду, о том, что их завышенные запросы оплачиваться не будут[39].

Этот рескрипт, который был опубликован за два года до смерти султана Абдул-Меджида I, стал одной из последних его инициатив. Здоровье султана было ослаблено как неблагоприятной экономической ситуацией и борьбой за власть, которую вели государственные лица, так и вольностью и непослушанием членов султанской семьи. В скором времени Абдул-Меджид I умер от чахотки.

Анализ личности Абдул-Меджида I показывает нам, что это был человек тактичный, утонченный, восприимчивый, эмоциональный и сострадательный. Султан прикладывал усилия к тому, чтобы вовлечь дворец в реформы Танзимата, и сам своими деяниями старался быть примером обновления и модернизации. Однако на его



1



2

1 Фатма Султан, дочь султана Абдул-Меджида I

2 Рефиа Султан, дочь султана Абдул-Меджида I

чувствительной натуре негативно сказались последствия Крымской войны, внезапно разразившейся в 1853 году, нестабильного экономического положения государства и ожесточенной политической борьбы между пашами в ***диване*** Высокой Порты[40]. Султан Абдул-Меджид I хотел, по существу, сделать многое, но оказался в сложной ситуации из-за конкуренции между государственными деятелями и злоупотреблений, в которые были вовлечены некоторые из них. Разногласия между дворцом и Высокой Портой, а также противоборство между пашами в правительстве стали препятствием для реализации положительных инициатив султана. Также осложнило положение дел иностранное вмешательство во внутреннюю политику Османской империи, прежде всего со стороны Англии и Франции[41].

Ахмед Джевдет-паша подробно рассказывает не только о том, как султан Абдул-Меджид I возглавил процесс обновления своего государства, но также и о его частной жизни. По словам историка, некоторые государствен-

ные лица ради собственной выгоды воздерживались от того, чтобы остерегать падишаха от неправильных поступков и направлять его деятельность в нужное русло. Ахмед Джевдет-паша отмечает, что султан в действительности был противником роскошного образа жизни; более того, он поощрял своих подданных в стремлении к простоте и скромности, но близкое окружение часто подталкивало Абдул-Меджида I к совершению ошибок в частной жизни[42].



Султан Абдул-Меджид I

В этот период, когда внутренняя и внешняя политика государства переживала глубокий кризис, чрезмерные траты, совершаемые султанскими женами и дочерями, а также неконтролируемое поведение некоторых из них обесценили служение султана своей стране и его проекты по ее благоустройству. Последствия же Крымской войны чрезвычайно ослабили экономику страны.

В то время как близкое окружение препятствовало попыткам султана ввести режим экономии на административном уровне, Абдул-Меджид I проявлял терпение, насколько это было возможно, по отношению к своему сводному брату — наследнику престола Абдул-Азизу-***эфенди*** — и его семье. Между тем документы, содержащие подтверждение того, сколько тратили Абдул-Азиз и его мать, свидетельствуют о любезности, которую оказывал правящий султан Абдул-Меджид I своему брату[43]. Наследник престола Абдул-Азиз и его мать не уступали в расходах семье султана и вели весьма расточительный образ жизни. Однако, став султаном, Абдул-Азиз был столь же любезен по отношению к семье своего старшего брата и никогда не оказывал на нее давления.

Скоропостижная кончина Абдул-Меджида I стала для его жен и дочерей не только неожиданным горем, но и началом трудных в финансовом отношении времен. Султан Абдул-Азиз, едва взойдя на османский престол, присту-

1





2

1 Султан Абдул-Азиз (1830–1876)

2 Салиха Султан, дочь султана Абдул-Азиза

3 Низиме Султан, дочь султана Абдул-Азиза

пил к действиям, направленным на разрешение катастрофической экономической ситуации; при этом он, однако, закрыл долги некоторых из жен старшего брата. Например, вторая икбаль Серфираз-ханым в период правления своего супруга Абдул-Меджида I тратила деньги не зная меры и вела пышный образ жизни. После же его смерти ей приходилось буквально бороться с вынужденными ограничениями. Когда Серфираз-ханым не смогла оплатить свои долги и кредиторы обратились в султанский дворец для их взыскания, дело это было передано в ведение личной казны султана[44].

В период правления Абдул-Азиза (1861–1876)[45] султанский гарем стал вести более упорядоченный по сравнению с гаремом предшественников образ жизни. Ахмед Джевдет-паша отмечает, что в начале своего правления султан Абдул-Азиз «пожелал не закрываться в гареме, а вместо удовольствий и развлечений сконцентрироваться на деле усиления армии»[46]. И в самом деле, этот султан, находясь на троне, стремился к тому, чтобы сделать свой флот сильным, чтобы быть в курсе самых передовых



3

1



2



1 Маслак Касры — дворец, в котором султан Абдул-Хамид II жил, будучи наследником престола, и где он получил предложение занять османский трон

2 Султан Абдул-Хамид II

технологий и идей в военной сфере, чтобы путем внедрения административных реформ укрепить Османскую империю. В то время как Абдул-Азиз часто лично инспектировал Морской и Артиллерийский арсеналы и выказывал свое высокое расположение, посещая военные части, султанский гарем снова закрылся от внешнего мира; вместе с тем сам султан и его подданные делали попытки восстановить его пошатнувшуюся репутацию. По воспоминаниям очевидцев, жены Абдул-Азиза вели более скромный образ жизни, чем жены предыдущего султана[47]. Однако серьезная дисциплина в гареме и подлинные меры экономии были введены только во время правления султана Абдул-Хамида II.

Еще будучи юным шехзаде во время правления сначала своего отца, а затем дяди, Абдул-Хамид II мог наблюдать причины возникающих в управлении государством проблем. И с первых дней восшествия на престол этот султан начал предпринимать необходимые меры.

Абдул-Хамид II ускорил проведение реформ на различных уровнях государственного управления, начав со своего собственного дома. Министерство султанской казны теперь устанавливало дисциплину в доходах и расходах султанской семьи и в более широком смысле всего султаната, а именно ограничивало траты и вводило кон-



Ж. Б.-Э. Дефоркад.
Мечеть Йылдыз
Хамидийе. 1889.
Дерево, масло.
68 × 44 см

троль за бюджетом. Действия султана, которые предотвращали расточительство во дворце и выдвигали на первый план режим экономии, нашли отражение в официальных отчетах, подготовленных министром султанской казны[48].